

УДК 94(430).08
ББК 63.3 (4Герм)63

Недописанная история: 1949 г. в советской зоне оккупации Германии

А.А. Синдеев

Институт Европы РАН (Москва, Россия)

Unwritten History: The Year 1949 in the Soviet Occupation Zone of Germany

A.A. Sindeev

Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

2019 г. — юбилейный год в истории Германии. 70 лет назад образовались Федеративная Республика Германия и Германская Демократическая Республика. 30 лет назад произошло падение Берлинской стены — событие, которое определило последующее историческое описание как в отношении роли, которую сыграл СССР в Германии, так и касательно ГДР и якобы особой жертвенности немцев в «тисках советского режима». Социалистический вариант развития, несмотря на существующую смешанную китайскую модель, был отвергнут, поэтому и всесторонний анализ, учитывающий временной контекст событий, оказался невостребованным. Немецкие фонды, субсидировавшие российскую науку, поощряли интересующие их темы и интерпретации. Результатом этого объективного развития стала потеря отечественной исторической германистикой своего влияния и былого авторитета. Однако актуальные события на востоке Германии показали, что переосмысление истории советской оккупационной зоны и ГДР еще не завершено. В этой связи автор статьи, не претендуя на универсальность, посчитал необходимым на основе небольшого количества источников из Архива внешней политики РФ, посвященных контактам советских контрольных органов и восточногерманских буржуазных партий, доказать, что даже известные сюжеты при внимательном анализе документов и ограниченном хронологическом периоде могут быть дополнены. Поэтому новизна статьи, как следует из ее названия, состоит в постановке новых исследовательских задач, работа над которыми или их последующее уточнение, возможно, поможет российской германистике вернуть свое законное место в исследованиях по истории ГДР.

Ключевые слова: СССР, ГДР, советская зона оккупации, оккупационная политика, ХДС, ЛДП, СЕПГ.

DOI 10.14258/izvasu(2019)3-14

The year 2019 is the anniversary year in the history of Germany. 70 years ago, the Federal Republic of Germany and the German Democratic Republic were founded. 30 years ago, the whole world experienced the fall of the Berlin Wall. The last event greatly influenced historiography. This concerns the role played by the USSR in Germany. This also concerns the GDR population, which allegedly had suffered "under Soviet tyranny" only. With the "end of history" the socialist variant of social development was written off, even though the mixed Chinese model still exists today. Therefore, it was hardly interesting to analyze the GDR history comprehensively. German foundations with their subsidies supported the topics and the interpretations, which in their view contributed to the development of democracy in Russia. It was logical that the former authority of Russian historical German studies was lost. Incidentally, the current events in the Federal Republic made the topic of East German identity again up to date. This can lead to rethinking the history of the Soviet occupation zone. The author does not claim to revise the previous historiography in a short article. His goal is more modest. He intends to use the documents from the Foreign Policy Archive of the Russian Federation to prove the following: Known stories can be reassessed and supplemented. The novelty also is that research tasks are being redefined. This can help to gain influence of Russian historical German studies in historiography.

Key words: USSR, East Germany, Soviet occupation zone, occupation policy, CDU, LDP, SED.

Историю советской зоны оккупации и ГДР в современной историографии ФРГ принято анализировать односторонне [1–4] (подходы к новым источникам см.: [5]). Одним из примеров, подтверждающих этот вывод, является известная российскому читателю вступительная статья в сборнике документов, написанная Й. Лауфером. Представленные в ней тезисы в силу прагматичных задач, стоявших перед ее автором, имеет смысл рассмотреть более подробно. Й. Лауфер полагает, что «В. Ульбрихта и А. Аккермана... В.С. Семенова и С.И. Тюльпанова... объединял сделанный ими к 1948 г. вывод, что раскол Германии уже налицо», поэтому для них было важно «сохранить и продолжить проходившие в советской зоне оккупации... преобразования» [6, с. 43].

Создание ГДР — это неизбежный для Й. Лауфера процесс, которому среди прочего способствовали «переход к долгосрочному экономическому планированию по советскому образцу» и «достижение экономической самостоятельности» в Восточной Германии.

Советский Союз в этой логике навязывал населению «особый путь», но он «не пользовался поддержкой» [6, с. 58]. Обоснованным представляется Й. Лауферу также вывод о том, что СССР заигрывал с единством. «Большевистская диалектика, — пишет он, — состояла в том, чтобы позволить СЕПГ как можно более громко призывать к единству — чтобы воспрепятствовать появлению движения за единство, которое было бы направлено против СЕПГ. Только в этом случае у Москвы и Карлсхорста могла возникнуть уверенность в том, что германское единство не будет достигнуто против воли Москвы» [6, с. 51].

Навязывание «особого пути» определило, по Й. Лауферу, «постоянный конфликт: с одной стороны, держава-победительница, стремящаяся реализовать свои представления о дальнейшем развитии, с другой — население оккупированного государства, являвшегося агрессором и потерпевшего тотальное поражение, со своим стремлением к суверенитету...» [6, с. 63]*.

И, конечно же, советские контрольные органы «активно вмешивались во внутренние дела всех партий». «Особенно это касалось ХДС... и ЛДП... Зональные руководители этих партий, — отмечает Й. Лауфер, — в значительной степени утратили контакт с родственными партиями в других

зонах и возможность оказывать на них какое-либо влияние, как следствие, оказались не в состоянии действовать на общегерманском уровне. Представителей СВАГ, с одной стороны, и членов ХДС и ЛДП вне зависимости от того, причисляли их к "реакционному" или "прогрессивному" течению, с другой, разделяла пропасть; мостик над этой пропастью конструировался только исходя из тактических соображений... Вопрос о роспуске этих партий никогда не возникал, цель воздействия на них состояла в том, чтобы добиться их безоговорочного подчинения руководству со стороны СЕПГ» [6, с. 61].

В данной статье не имеет особого смысла опровергать «выводы» об отчаявшемся восточногерманском населении, стремление к свободе которого сдерживали коварные силы во главе с Советским Союзом. Последнее касается и бесправности буржуазных партий. Конъюнктурный и необоснованный характер этой позиции неоднократно и убедительно подвергался критике в работах российских коллег [8–10]. Именно конъюнктурное отношение к ГДР стало одной из причин актуальных проблем Федеративной Республики, связанных с кризисом восточногерманской идентичности. 24 января 2019 г. А. Меркель призналась: «Страна, возможно, никогда не была примирена, как об этом думали» [11].

В этом контексте более плодотворным представляется поиск исследовательских перспектив, так как история ГДР — это пока еще недописанная история.

Итак, основная цель Советского Союза заключалась в появлении и долгосрочном укреплении на немецкой территории дружественных ему сил, способных не допустить превращения Германии в плацдарм для новой войны и стремящихся развивать политические, экономические и культурные контакты со страной Советов**. Не важно, происходили бы данные процессы сначала в рамках восточногерманского или единого германского государства. «Мы же потихоньку создавали ГДР, нашу же Германию...», — вспоминал В.М. Молотов. Принципиальным в ходе «создания нашей Германии» оставались гарантии беспрепятственного существования просоветски настроенных сил, сохранения их влияния, а также утверждение и правовое признание — в случае объединения страны — механизмов контроля, допускающих прямое вмешательство в дела

* Ср. позицию российского историка А.М. Филитова: «Создавалась парадоксальная ситуация, при которой отсутствие подлинно свободного выбора пути развития в Западной Германии воспринималось населением менее болезненно, чем политика СВАГ/СЕПГ в восточной зоне, хотя она в большей степени соответствовала "социалистическому духу времени" в послевоенной Европе» [7, с. 34].

** См. замечание А.М. Филитова: «Не следует упрощать картину и считать, что с советской стороны с самого начала был взят однозначный курс на насильственное утверждение гегемонии коммунистов в своей зоне и всяческое ущемление социал-демократов» [10, с. 85].

Германии, что обуславливало структурированную работу союзных держав***.

Параллельное существование самостоятельных общественно-политических процессов в нейтральной Германии и контрольного механизма, своего рода квазиоккупационного режима, могло стать реальностью только на основе компромисса. Однако подобный компромисс делал бессмысленным противостояние лагерей в холодной войне, нивелировал размежевание систем, придавал дополнительную легитимность социалистической модели, поэтому шансы на его достижение были мизерными.

Советскому Союзу оставалось лишь «строить нашу Германию» в пределах собственной оккупационной зоны, не оставляя надежду попытаться позднее реализовать задуманное в больших масштабах. При этом СССР пришлось иметь дело с относительно плюралистичным обществом, унифицировать которое исключительно репрессивными средствами не получилось бы. Не случайно бегство на Запад считалось естественным очищением оккупационной зоны от враждебных элементов. Руководству ГДР потребовалось время, чтобы убедить Москву приостановить исход, препятствующий экономическому развитию.

Единство — ключевое слово 1949 г. С одобрением в Советской военной администрации в Германии (СВАГ) было воспринято выступление одного из лидеров восточногерманских либералов, профессора Г. Кастнера о поездке в СССР, в котором он заметил: «1. Решающей и ответственной силой Германии не являются какая-либо одна партия или направление, а общие прогрессивные антифашистско-демократические силы. 2. Россия поддерживает единую, свободную демократическую Германию... 3. Русскими поддерживается необходимость мирного договора с Германией...» [13, л. 8].

Впрочем, политика общественного единства была протворечивой, как минимум, по трем причинам: *во-первых*, она строилась на признании «национальных интересов Германии», которые официально ставились выше партийных интересов, что сужало политическое пространство и необходимый для его

*** После смерти Сталина Москва не изменила выбранных приоритетов. 26 января 1954 г. В.М. Молотов в шифротелеграмме из Берлина сообщал: «имеет место развертывание дискуссии по существу поставленного нами вопроса о мероприятиях по уменьшению напряженности в международной обстановке и о созыве совещания министров пяти держав, хотя можно не сомневаться в том, что министры трех держав будут пытаться скорее закончить рассмотрение этого вопроса и перейти к обсуждению германского вопроса» [12, л. 16]. Таким образом, германский вопрос, с точки зрения советского руководства, являлся менее значимым по сравнению с «мероприятиями по уменьшению напряженности в международной обстановке».

поддержания дискуссионный потенциал, постепенно вело к самоуничтожению партий, готовых работать на эти национальные интересы, и как следствие, увеличивало число недовольных в рядах сторонников несоциалистического мировоззрения.

Во-вторых, содержательное наполнение национальных интересов состояло в том, чтобы восстановить экономику и обеспечить объединение страны. И если с единством ситуация была более-менее понятна, то восстановление экономики априори могло происходить не только методами СЕПГ. СССР оказывался в чрезвычайно сложном положении: официально объявлять о форсировании социализма не разрешалось, но при этом проходил переход восточной зоны вместе с социалистическим лагерем на плановые рельсы, разрушались предпринимательская свобода и частная собственность. Декларируемый отказ от автоматизма в переносе советской системы поощрял поиск альтернативных путей, результаты которого разбивались о стену «национальных интересов Германии». В этих условиях стабильность могла быть обеспечена только экономическими успехами, ощущаемыми населением, что предполагало дополнительные обязательства Москвы.

В-третьих, советским контрольным органам приходилось вести подчас путаную политическую игру: оставаться в роли независимого арбитра и поддерживать СЕПГ. С одной стороны, СВАГ и СКК (Советская контрольная комиссия в Германии) давали дружеские рекомендации руководству буржуазных партий: к примеру, «предпринять ряд конкретных мер для того, чтобы нацелить предстоящий зональный съезд ЛДП (Либерально-демократической партии. — А.С.): а) на сотрудничество в блоке партий, на борьбу за единство Германии, на критику Рурского статута и политики западных оккупационных властей в Германии; б) нацелить партию на участие в закреплении политических и экономических мероприятий, проведенных в зоне (двухлетний план, земельная реформа и т.д.)» [14, л. 2]. С другой стороны, настаивали на разоблачении реакционных сил.

В 1949 г. успехом считался уход в отставку председателя берлинской организации ЛДП в советском секторе Ф. Гензеке, председателя правления ЛДП Тюрингии Л. Моога, управляющего делами Центрального правления ЛДП А. Лойтенанта. «Значительное количество руководителей, функционеров и рядовых членов ЛДП, — зафиксировано в одной из докладных записок СВАГ, — были разоблачены в конце 1948 г. и начале 1949 г. как агенты англо-американской разведок и подверглись аресту...» [15, л. 35].

Когда же О. Нушке, председатель Христианско-демократического союза (ХДС) в ГДР, решил поставить на голосование вопрос о доверии себе, то И.И. Ильичев, заместитель политсоветника, по-

лагал, что голосовать его не стоит, нужно лишь подобрать выступающих с одобрением линии Центрального правления, а «...резолюцию по докладу Нушке... утвердить [заранее]... на расширенном заседании Центрального правления до съезда...» [16, л. 138].

В печати СЕПГ, по мнению представителей СВАГ и СКК, надлежало дискредитировать буржуазные партии, требовать от них выполнения решений блока. Параллельно с этим советские контрольные органы настаивали на публикации буржуазными партиями положительных материалов о СССР. 15 сентября 1949 г. К. Хаманн, сопредседатель ЛДП, заверил П.Ф. Назарова, что возьмет «этот участок работы под свое наблюдение» [17, л. 69].

Линия на единство Германии предполагала расширение партийных контактов с западными оккупационными зонами. 28 февраля 1949 г. начальник Управления информации СВАГ полковник С.И. Тюльпанов писал политсоветнику В.С. Семенову: «Необходимо поддерживать стремления ХДС восстановить связи с западными кругами ХДС, взяв эту работу под строгий контроль и направляя эту работу в соответствии с линией нашей политики в Германии» [18, л. 21]****.

Избранные средства политической игры порождали закономерные трудности. ХДС и ЛДП не могли отказаться от самостоятельности. 29 января 1949 г. в одном из докладов на съезде ЛДП отмечалось, что «[д]вухлетний план далеко еще не социалистическое планирование хозяйства... Мы готовы вложить все силы в осуществление плана, но при этом и народные и частные предприятия должны быть загружены в одинаковой степени» [13, л. 12]. Председатель правления ХДС земли Саксония-Анхальт Э. Фашер соглашался с тем, что идеи социализма популярны, добавляя, «что ХДС восточной зоны должен больше подчеркивать свой "социалистический" характер» [19, л. 1] и стремиться стать «"народной партией", опирающейся на рабочих и на молодежь» [19, л. 2].

Естественно, представители буржуазных партий не всегда уступали требованиям СВАГ и СКК: «...мы не можем, — утверждал К. Хаманн, — критиковать политических деятелей Западной Германии с тех же позиций, как это делает СЕПГ, особенно это относится к критике представителей Свободной демократической партии. Нам хорошо известно, что многие политические деятели в Западной Германии вынуждены проводить эту политику вопреки своему желанию, ибо их вынуждают оккупационные власти, в особенности американцы... Резкой критикой отдельных личностей родственной пар-

тии можно отрезать пути наших связей с Западом, мы это будем делать только в исключительных случаях» [17, л. 69–70].

СССР приходилось тактически мириться с оппозиционностью. «...Нушке, — читаем в докладной записке от 11 февраля 1949 г., — на этот раз (выделено мною. — А.С.) провел весьма основательную атаку на СЕПГ, говоря о "волне террора" со стороны СЕПГ, которой должен противостоять в "позиционной борьбе" ХДС, о "маленьких Пиках" на местах, которые ведут ту же политику, что и до конференции СЕПГ, о притеснениях частных предпринимателей, об опасности "советизации" зоны и т.п.» [20, л. 7].

После образования ГДР ситуация также не соответствовала желаемому идеалу единства. «18 октября 1949 г. на собрании организации ХДС г. Зоннеберга... [управляющий районного правления] ХДС Хайна заявил: "С созданием правительства кончилось диктаторство СЕПГ и НЭК (Немецкой экономической комиссии. — А.С.). Период с 1945 г. до момента создания правительства был период людей двух сортов. Люди, не являющиеся членами СЕПГ, не пользовались равными правами с сеповцами, точно так же, как в гитлеровский период, были люди двух сортов, когда ненацисты не пользовались правами, которыми пользовались нацисты"» [21, л. 162].

12 ноября К. Ридель, член правления ХДС Тюрингии, на собрании в Хеннигсдорфе констатировал: «Одна шестая часть земного шара Советский Союз противостоит Европе и представляет собой неслыханную опасность для христианского социализма. Мы создали в нашем ХДС вал против наводнения коммунизма» [22, л. 152–153]. В Ораниенбурге «в конце октября депутат парламента Дехерт выступил против оказания денежной помощи обществу германо-советской дружбы и против участия в праздновании 32-й годовщины Октябрьской революции. Когда ему заметили, что в концентрационном лагере Ораниенбург были расстреляны тысячи русских солдат, он ответил: "Пусть празднуют те, которые в лагере"» [22, л. 153].

Особую трудность в условиях открытой границы в Берлине представляла разведдеятельность западных держав. 29 декабря 1949 г. к П.Ф. Назарову пришел статс-секретарь Министерства транспорта ГДР В. Бахем и сообщил о разговоре, состоявшемся у него 28 декабря 1949 г. в Целендорфе с депутатом берлинского магистрата О. Батцелем. «По словам Бахема, д-р Батцель пытался убедить его в том, что он, Бахем, слепо следует за политикой СЕПГ и не видит того, что восточная зона развивается по пути стран народной демократии и что недалек тот час, когда коммунисты повесят его, Бахема. Д-р Батцель указал, что он имеет специальное поручение помочь ему

**** Резолюция В.С. Семенова на документе об этом предложении: «т. Тюльпанову. С выводами согласен, кроме п. 10, о котором надо поговорить особо» [18, л. 11].

найти выход из этого положения и предложил, чтобы Бахем стал информатором Министерства иностранных дел Великобритании» [23, л. 157]. О. Батцель обещал В. Бахему открыть счет в любом банке и убеждал не волноваться, «ибо его некоторые коллеги... уже давно выполняют эту миссию и что он об этом еще должен подумать» [23, л. 158].

Единство страны оставалось актуальной задачей для немцев. Поддерживая заключение мирного договора, Советский Союз мог рассчитывать на стратегический успех и объединение патристически настроенных сил Германии. Неслучайно Г. Кастнер неоднократно подчеркивал, что «русские политики смотрят на Германию... как на субъекта, с которым разговаривают» [13, л. 7]. Дихотомия «СССР — за субъектность немцев, американцы — за оккупационный статут» была важным элементом политического дискурса того времени.

Кроме того, СССР демонстрировал мощь и силу, с которыми также нельзя было не считаться. По мнению О. Нушке, сообщение ТАСС о советском атомном оружии «произвело колоссальное впечатление на немецкое население» [24, л. 101]. В начале 1949 г. В. фон Штольценберг часть доклада на съезде ЛДП «посвятил мысли о том, что далеко не все немцы раньше и особенно сейчас имеют правильное представление о России и ее мощи, о том, какое значение для всего мира имеет уровень развития в Советском Союзе» [13, л. 5]. Из подобных размышлений следовал вывод об особой роли партий советской зоны оккупации, поскольку именно они, обладая необходимым опытом, получили уникальную возможность содействовать плодотворному диалогу между Западом и Востоком.

Реализации этого направления соответствовал и тезис Г. Кастнера о вине немцев. «Есть немало немцев..., — говорил Г. Кастнер, — которые не преодолели еще национальной ограниченности и самомнения, между тем как страна, имевшая фашистские порядки и... концлагеря... должна весьма осторожно пользоваться словом "варвары"» [15, л. 39].

СССР не потерял авторитет посредника. Образование ГДР сопровождалось опасением, что «СЕПГ будет везде командовать... Некоторые наши функционеры в районах, — замечал председатель земельного правления ХДС Бранденбурга К. Гробель, — в связи с этим высказывают сожаление о том, что ликвидируются комендатуры, которые их поддерживали, давали им работать и защищали иногда» [25, л. 130].

Стоит вспомнить и о том, что не все предложения буржуазных партий оценивались советскими контрольными органами как неприемлемые. «В 1948 и 1949 гг., — отмечалось в справке СВАГ, — ХДС выступил с рядом своих предложений в различных областях политической и экономической жизни зоны...

разработал и внес в Народный Совет свои поправки к проекту конституции Германии, выступил с собственной сельскохозяйственной программой, опубликовал предложения по налоговой реформе, разрабатывает проект создания фондов взаимопомощи и уравнивания тягот, вытекающих из последствий войны, разрабатывает программу в отношении различного рода товариществ...» [18, л. 16].

В тех условиях К. Аденауэр, отнюдь не сторонник скорейшего единства Германии, пошел на контакты с О. Нушке. «В общих чертах, — читаем в советском документе, передающем суть состоявшейся беседы, — Нушке договорился с Аденауэром о возобновлении связей между ХДС восточной и западной зон, что Аденауэр признал необходимым» [26, л. 45].

В 1949 г. советская оккупационная зона пережила эксперимент: построение социализма в условиях общественного плюрализма. Парадокс состоял в том, что СССР легче было бы встать на путь ускоренной советизации. Этого, как известно, в 1949 г. не произошло. Следовательно, ситуация была намного противоречивее, а ее изучение, к сожалению, не завершено.

Политика сверхдержав на международной арене не подлежит морализации. С этим утверждением, конечно, можно и нужно спорить, но любые моральные стандарты в отношении крупных государств действуют в лучшем случае лишь частично, а методы, применяемые ими, мало чем отличаются друг от друга: ведь великие державы борются за утверждение и доминирование собственной модели мира, призванной сохранить и укрепить их статус. Иначе они не могут претендовать на роль великих.

Проблема СССР состояла в радикальном, на взгляд эстаблированных западных элит, характере предложенной модели, в перспективе которой после преодоления кризисных явлений 1920-х — начала 1930-х гг. в странах с рыночной экономикой особой веры не наблюдалось. Успех Советского Союза во Второй мировой войне и послевоенное социально-экономическое состояние победивших и проигравших европейских государств делали коммунистическую угрозу более реальной. Раскол Германии — это материализация подобных страхов.

Однако и для СССР появление лагеря стран народной демократии стало доселе невиданным вызовом, так как предстояло по-новому выстроить хозяйственные цепочки, взять ответственность за социально-экономическое положение населения, включиться в конкуренцию лагерей, обеспечивать защиту союзников. Сомневаюсь, что все последствия сразу были оценены верно и до конца, за исключением, пожалуй, понимания того, что лишь управля-

емая и ограниченная демократия может облегчить выполнение тех колоссальных задач, которые встали перед СССР в 1945–1946 гг.

В Восточной Германии предстояло сохранять опцию на объединение, что обуславливало большую степень демократического развития, большую субъектность буржуазных партий, большее недовольство среди руководства СЕПГ и его большую самостоятельность. Не случайно восточногерманская история периода 1945–1953 гг. развивается медленно в рамках двух циклов — наступления и стабилизации. При этом наступление на оппозицию в ГДР не всегда имеет смысл сравнивать с другими странами социализма.

Открытая граница в Берлине создавала подчас фантасмагонические картины. Министр иностранных дел ГДР Г. Дертингер, к примеру, жил в 1949 г. в западном секторе Берлина. Служащие и рабочие из Западного Берлина зарабатывали на жизнь в Восточном Берлине. Оппозиционные настроения не были уничтожены до конца. В этой связи свести многочисленные уровни и сюжеты о советской зоне оккупации и ГДР в единую систему довольно трудно, что подпитывает, если не принимать в расчет поли-

тическую конъюнктуру, стремление упростить историческую реальность, развесить ярлыки, защитить капиталистические, социалистические достижения, абсолютизировать тот или иной феномен или принять за поиск сенсаций.

В историографии ГДР наступило время написания истории отдельных лет с максимально возможным количеством анализируемых сюжетов (см., например, первую попытку: [27]). Хочется надеяться, что тогда цель СССР в Германии будет глубже сравнена с целью, которую преследовали США, а применяемые оккупационными державами средства будут интересны не только сами по себе, но и в контексте тех трудностей и преимуществ, с которыми бывшие союзные государства сталкивались.

Такой подход предполагает деклеширование истории ГДР, выделение в качестве научного предмета процессов становления (восстановления) общества и государства, отсутствие желания оправдать и защитить кого-либо и что-либо, написание нейтральной истории. Новый тренд, таким образом, — это максимально нейтральное системное историописание без расстановки плюсов и минусов.

Библиографический список

1. Laufer J. Pax Sovietica: Stalin, die Westmächte und die deutsche Frage, 1941-1945. Köln ; Weimar ; Wien, 2009.
2. Lausberg M. Gründung und Frühphase der DDR. Aachen, 2017.
3. Sowjetische Demontagen in Deutschland 1944–1949: Hintergründe, Ziele und Wirkungen / hrsg. von R. Karlsch, J. Laufer. Berlin, 2002.
4. Suckut S. Blockparteien und Blockpolitik in der SBZ/DDR 1945–1990. Leipzig, 2018.
5. Wettig G. Neue Erkenntnisse aus sowjetischen Geheimdokumenten über den militärischen Aufbau in der SBZ/DDR 1947–1952 // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1994. № 2 (53).
6. Лауфер Й. СССР, образование государства в Восточной Германии и берлинский кризис (1948–1949 гг.). Введение к документальной части сборника // СССР и германский вопрос, 1941–1949: Документы из российских архивов. — Т. IV : 18 июня 1948 г. — 5 ноября 1949 г. М., 2012.
7. Филитов А.М. Советская политика и планирование в германском вопросе в период от берлинского кризиса до образования ГДР (1948–1949 гг.) // СССР и германский вопрос, 1941–1949: Документы из российских архивов. — Т. IV. 18 июня 1948 г. — 5 ноября 1949 г. М., 2012.
8. История Германии : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. — Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI в. Кемерово, 2005.
9. Петелин Б.В. Ранняя история Христианско-демократического союза: Конрад Аденауэр — Якоб Кайзер — Отто Нушке, 1945–1952 гг. Череповец, 2014.
10. Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941–1990. М., 2009.
11. Parität erscheint mir logisch: Interview mit Angela Merkel // Die Zeit. 2019. 24. Januar.
12. Шифртелеграмма В.М. Молотова из Берлина от 27 января 1954 г. // Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 059. Оп. 32. П. 3. Д. 15.
13. Докладная записка о земельном съезде ЛДП Саксонии от 12 февраля 1949 г. // АВП РФ. Ф. 0457а. Оп. 7. П. 39. Д. 12.
14. Докладная записка о беседе полковника С.И. Тюльпанова с заместителем председателя Центрального правления ЛДП Г. Кастнером и генеральным секретарем ЦП ЛДП К. Хаманном от 11 февраля 1949 г. // АВП РФ. Ф. 0457а. Оп. 7. П. 39. Д. 12.
15. Докладная записка о третьем зональном съезде Либерально-демократической партии // АВП РФ. Ф. 0457а. Оп. 7. П. 39. Д. 12.
16. Докладная записка на имя В.С. Семенова от 24 октября 1949 г. // АВП РФ. Ф. 0457а. Оп. 7. П. 35. Д. 11.
17. Запись беседы подполковника П.Ф. Назарова с председателем Центрального правления ЛДП К. Хаманном от 21 сентября 1949 г. // АВП РФ. Ф. 0457а. Оп. 7. П. 39. Д. 12.

18. Положение в ХДС советской зоны оккупации Германии и Берлина (28 февраля 1949 г.) // АВП РФ. Ф. 0457а. Оп. 7. П. 35. Д. 11.

19. Донесение политсоветнику В.С. Семенову от 6 января 1949 г. // АВП РФ. Ф. 0457а. Оп. 7. П. 39. Д. 11.

20. Докладная записка о собрании функционеров ХДС земли Бранденбург от 11 февраля 1949 г. // АВП РФ. Ф. 0457а. Оп. 7. П. 39. Д. 11.

21. Донесение о деятельности в земле Тюрингия реакционных элементов ХДС, 27 декабря 1949 г. // АВП РФ. Ф. 0457а. Оп. 7. П. 35. Д. 11.

22. Донесение о деятельности реакционных элементов ХДС в земле Бранденбург от 27 декабря 1949 г. // АВП РФ. Ф. 0457а. Оп. 7. П. 35. Д. 11.

23. Краткая запись беседы подполковника П.Ф. Назарова с членом ЦП ХДС, статс-секретарем Министер-

ства транспорта ГДР В. Бахемом от 29 декабря 1949 г. // АВП РФ. Ф. 0457а. Оп. 7. П. 35. Д. 11.

24. Краткая запись беседы подполковника П.Ф. Назарова с председателем ХДС О. Нушке от 26 сентября 1949 г. // АВП РФ. Ф. 0457а. Оп. 7. П. 35. Д. 11.

25. Донесение о беседе с председателем земельного правления ХДС Бранденбурга К. Гробелем от 15 октября 1949 г. // АВП РФ. Ф. 0457а. Оп. 7. П. 35. Д. 11.

26. Докладная записка о беседе полковника С.И. Тюльпанова с О. Нушке от 24/25 марта 1949 г. // АВП РФ. Ф. 0457а. Оп. 7. П. 35. Д. 11.

27. 1948 год в германской истории: материалы конференции российских и германских историков, 19–20 июня 2008 г. / под ред. Б. Бонвеча, А.Ю. Ватлина, Л.П. Шмидта. М., 2009.